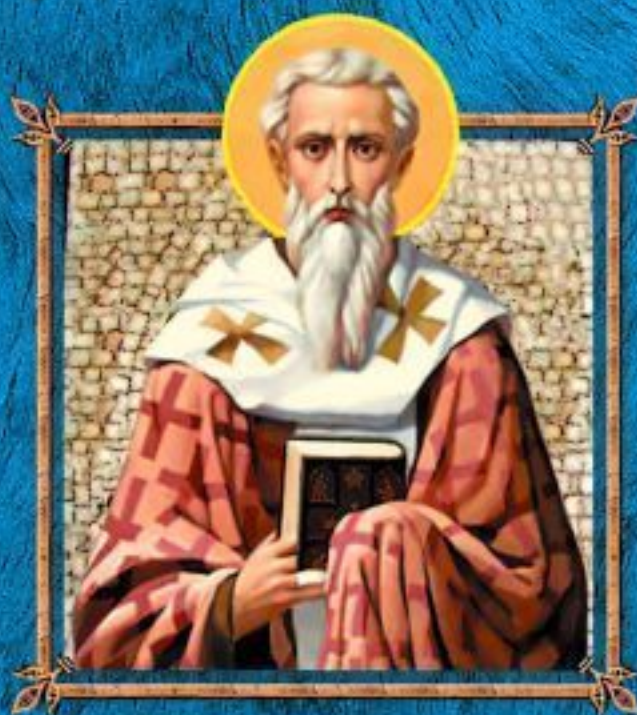

Святитель Григорий Двоеслов

ДИАЛОГИ

СОБЕСЕДОВАНИЯ
О ЖИЗНИ
ИТАЛИЙСКИХ ОТЦОВ
И О БЕССМЕРТИИ
ДУШИ

Григорий Двоеслов

**Диалоги. Собеседования о
жизни Италийских отцов
и о бессмертии души**

«Сибирская Благовонница»

2012

Двоеслов Г.

Диалоги. Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души / Г. Двоеслов — «Сибирская Благовонница», 2012

Творение свт. Григория Великого, Двоеслова, папы Римского, «Собеседования о жизни Италийских отцов», или «Диалоги», представляет собой ценнейший памятник западнохристианской древнецерковной письменности эпохи неразделенной Церкви. Его можно назвать «Древним латинским патериком», ибо это произведение посвящено описанию житий подвижников IV–VI веков, живших в Италии и стоявших у истоков западного монашества. Представленное ныне православному читателю издание этого сочинения снабжено вступительной статьей профессора МДА, доктора церковной истории А. И. Сидорова. Эта книга содержит в себе духовную мудрость и подвижнический опыт древних западных святых, а также высочайшие и немеркнущие образцы для подражания в деле христианского спасения и духовного совершенства.

© Двоеслов Г., 2012

© Сибирская Благовонница, 2012

Содержание

Святитель Григорий Двоеслов и его произведение «Собеседования о жизни Италийских отцов»	6
КНИГА ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ	12
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Святитель Григорий Двоеслов

Собеседования о жизни Италийских отцов

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 10-022-2358*

Святитель Григорий Двоеслов и его произведение «Собеседования о жизни Италийских отцов»

Святитель Григорий Великий, Двоеслов, папа Римский (540–604) жил в сложное для Западного христианства время – эпоху засилья варваров и разорения Италии. Родившись в благочестивой патрицианской христианской семье в Риме, имея среди своих предков и родственников св. Римского папу Феликса III (483–492) и св. Римского папу Агапита (535–536), получив прекрасное классическое образование, около 573 года он становится префектом Рима. Однако светская жизнь тяготила святого, и он принимает монашество и посвящает всего себя на служение Богу и Церкви. В своих поместьях он устраивает монастыри, а сам, вскоре став диаконом в Римской церкви, отправляется по высоким папским поручениям в Константинополь – столицу Византийской империи. В 590 году после смерти папы Пелагия II, Григория самого против его воли избирают Римским папой. Проходя свое служение, свт. Григорию приходилось выполнять роль и государственного деятеля, и политика; он был талантливым церковным администратором, миссионером и отличался исключительной любовью к своей пастве. Был свт. Григорий и автором ряда богословских и экзегетических сочинений.

Среди всех творений свт. Григория Двоеслова, папы Римского, наибольшую известность и славу стяжали «Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души» (или «Диалоги» – от этого названия он и получил свое прозвище Двоеслова, ибо так на славянский язык дословно переводили слово «диалог»). Они напитывали душу христиан многих поколений и различных стран: в далекой тогда Англии Беда Достопочтенный ссылается на «Диалоги» с таким же почтением, как и восточный подвижник блж. Иоанн Мосх. Полностью переведенные на греческий язык в VIII веке папой Захарией, они быстро стали известны всему православному миру¹. Имеется большое количество рукописей славянского перевода «Собеседований»; самый древний из сохранившихся списков относится, вероятно, к XIV веку, хотя первые опыты переводов, возможно, были сделаны еще ранее, в Болгарии в X–XI веках². Иногда это сочинение характеризуют как «популярную книгу», уподобляя ее творению блж. Августина «О граде Божием», «переписанному для простецов»³, однако нельзя не учитывать того факта, что книга сия находила (и находит) доступ не только к сердцам «простецов», но и к сердцам христиан, отличавшихся самым изысканным вкусом.

Написанное в 593–594 годах, данное сочинение по своему жанру относится к числу агиологических произведений, весьма распространенных в Средние века. Произведение состоит из четырех книг. В первой и третьей книгах св. Григорий помещает повествования о 45 отдельно поименованных святых (при этом главы 27, 28, 32 сообщают о целых группах мучеников). Книга вторая целиком посвящена жизнеописанию и чудесам преп. Венедикта Нурсийского, а книга четвертая, отличающаяся по содержанию от первых трех, – сказаниям эсхатологического характера. Интересно число глав: первые три книги содержат 88 глав, а четвертая – 62 главы, что в итоге составляет 150 глав. Главы первой и третьей книг составляют в сумме число 50 (12+38), а второй и четвертой книг – 100 (38 + 62). Также стоит обратить внимание на одинаковое число глав во второй и третьей книгах: по 38⁴.

Среди произведений св. Григория «Собеседования» занимают одно из самых почетнейших мест: «В них впервые, под пером знаменитейшего отца Западной Церкви, разнородные

¹ См.: *Gregoire le Grand. Dialogues. T. 1 / Ed. par A. de Vogue // Sources chrétiennes. № 251. Paris, 1978. P. 141–143.*

² См.: *Пономарев А. Собеседования св. Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении. Опыт исследования памятников христианской агиологии и эсхатологии. СПб., 1886. С. 1.*

³ По словам ученого П. Батиффолья. См.: *Gregoire le Grand. Dialogues. T. 1. P. 148–149.*

⁴ См.: *Gregoire le Grand. Dialogues. T. 1. P. 55.*

агиологические сказания, всецело занимавшие мысль и чувства набожных людей, передавались в таком простом и увлекательном изложении, освещенном глубокой верою святой души, назидательностью и неподдельным одушевлением истинного подвижничества, что его книга в те века – в века веры и чудес – сразу же стала в буквальном смысле классической, церковной и общенародной»⁵. Жития первых восточных подвижников (преп. Антония Великого, преп. Илариона Великого и др.) и сказания о них, ставшие сразу известными на Западе, дали мощный толчок становлению латинской агиологии; одним из основателей этой агиологии был Сульпиций Север, который в своих «Диалогах» и «Житии св. Мартина» дал первые прекрасные образцы ее. Во многом этим образцам следовал и св. Григорий, собравший и записавший предания о святых мужах, подвизавшихся в его родной Италии; центральное место он уделит великому западному основоположнику монашества – преп. Венедикту Нурсийскому, которому целиком посвящается вторая книга из четырех. Из предисловия видно, что мотивом написания данного произведения является просьба близких св. Григорию людей узнать что-то и об отечественных – италийских святых. Слава святых христианского Востока широко разносилась по всему христианскому Западу, но свои святые подвижники были плохо известны, и в особенности – современники. Это видно из слов духовного чада св. Григория, диакона Петра, в предисловии к «Диалогам»: «Мало я знаю о деяниях мужей, прославившихся святостью жизни в Италии. Поэтому не понимаю, о ком с таким увлечением говоришь ты, сопоставляя свою жизнь с их жизнью. Конечно, я не сомневаюсь, что действительно были в Италии мужи святые, но их добродетели и чудеса или вовсе мне неизвестны, или, по крайней мере, о них так мало доселе говорили, что это молчание может навести сомнение».

Естественно, что в своих повествованиях об италийских подвижниках святитель уделяет много времени нравственно-аскетическому учению. Так, рассказывая о рабе Божиим Исааке, он замечает, что велико «Домостроительство всемогущего Бога, и большей частью случается так, что тех, которым Бог дарует высшие блага, Он лишает низших, чтобы душа их всегда могла чем-либо смиряться, чтобы, стремясь к полному совершенству и не достигая его, трудясь над тем, чего не прияли, и не приобретая этого своим трудом, они нисколько не гордились тем, что имеют, но да научатся, что они, несильные истребить в себе и малых, ничтожных недостатков, не сами от себя имеют высшие совершенства» (III, 15). Элементы тайнозрительного созерцания также органично вплетаются в ткань повествования «Собеседований». Например, передавая одно видение преп. Венедикта, св. Григорий пишет: «Кто увидит малую часть света Создателя, для него становится мало все сотворенное: потому что самый свет внутреннего видения распространяет кругозор ума и так расширяет в Боге, что ум становится выше мира; душа видящего бывает даже выше самой себя. А когда во свете Божиим бывает восхищена выше себя, в то время сила ее расширяется более всего, находящегося внизу ее; и когда, восхищенная, созерцает все под собою, понимает, как ничтожно все, чего она не могла понять в состоянии уничижения» (II, 35). Однако, из всех веро- и нравоучительных тем, затронутых в «Диалогах», на первое место следует поставить вопросы эсхатологии – им святитель уделяет всю четвертую книгу своего сочинения. Эти вопросы вообще являются одними из самых центральных в мирозерцании св. Григория, но в «Собеседованиях» они принимают самую зримую и наглядную форму выражения. Умственно-материальные черты, которыми он изображает явления загробного мира, здесь заведомо нарочиты, ибо святитель «вовсе не принимал этих черт исключительно в прямом, буквальном смысле. Относительно их он ясно говорит, что это “только образы вещей (*imagines rerum*)” и что для нашего лишь ограниченного понимания явления загробного мира могут представляться в таком виде, то есть в виде чувственно-материальных (IV, 31, 37). Такое отношение, разумеется, уже и само собою предполагается для

⁵ См.: Пономарев А. Собеседования св. Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении. Опыт исследования памятников христианской агиологии и эсхатологии. С. 142.

такого возвышенного богослова, всюду в букве открывающего духовный смысл, каким был св. Григорий Великий, – но такое же отношение к его рассказам он внушает и другим. В то же время не подлежит сомнению, что с полной искренностью верующего чувства и христианской мысли принимал он “чудесное” в сообщаемых им явлениях и видениях. Да иначе и не могло быть: чудеса – вечно принадлежащая христианству сила, постоянное живое свидетельство даров веры; ими полна жизнь святых и подвижников первых веков христианства, ими окружены гробницы святых и мучеников»⁶. Эта искренность верующего чувства и сила христианской мысли сделали «Собеседования» одним из самых читаемых во всем христианском мире святоотеческих творений.

* * *

За основу данного издания взят текст дореволюционного перевода: Святого отца нашего Григория Двоеслова епископа Римского Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Казань, 1858. Перевод был отредактирован по современному изданию *Gregoire le Grand. Dialogues*. Т. 1 / Ed. par A. de Vogue // *Sources chrétiennes*. № 251. Paris, 1978; № 257, 265 (включая нумерацию глав и параграфов), откуда также были заимствованы некоторые комментарии, карты и разбивка текста для удобства на небольшие главы с нумерацией.

А. И. Сидоров

⁶ См.: Пономарев А. Собеседования св. Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении. Опыт исследования памятников христианской агиологии и эсхатологии. С. 129.

КНИГА ПЕРВАЯ

*Карта Средней Италии
V–VI века*

1. Однажды, слишком отягощенный беспокойством от мирских дел, которые нередко вынуждают нас оставлять собственные наши дела, чего бы никак не должно быть, я удалился в одно уединенное место, отрадное для скорбящей души. Там, на свободе, я удобнее мог разо-

брать неприятные впечатления, меня тяготившие, и ближе рассмотреть все, что обыкновенно наводило тоску.

2. Когда, таким образом, я провел немало времени в уединении, в глубокой грусти, пришел ко мне возлюбленный сын мой диакон Петр. С первых цветущих лет юности самая тесная дружба соединяла нас; вместе с ним обыкновенно углублялись мы в слово Божие.

3. Увидев, что я страдаю от тяжкого сердечного изнеможения, он спросил меня: «Не случилось ли с тобой что-нибудь новое, что ты печален более обыкновенного?» – «Нет, возлюбленный Петр, – отвечал я ему, – скорбь, которую каждый день я терплю, всегда для меня стара, потому что обычна, и всегда нова, потому что возрастает. Теперь душа моя скорбит оттого, что неприятности лежащих на мне дел вызывают в ней воспоминания о прежней моей монастырской жизни; о той жизни, когда она умела управляться со всеми случайностями, возвышаться над всем скоропреходящим, потому что мысль ее была постоянно устремлена к небесному; когда даже и узы плоти не могли служить для нее препятствием вести жизнь созерцательную, ибо самая смерть, которая почти для каждого есть страшилище и ужас, была для нее вождь-ленна как переход к жизни, как воздаяние за подвиги.

4. А теперь, по долгу пастырского служения, я должен заниматься делами мирскими и, оставив прежнюю прекрасную и безмятежную жизнь, осквернять свою душу тиной земных попечений. Ибо как скоро, по снисхождению к другим, внимание души начнет рассеиваться по внешним предметам, тогда, несомненно, и самое сильное влечение к предметам духовным будет в ней слабеть. Поэтому я и соображаю, что я приобретаю и что потерял. И соображая свои потери, вижу, что потерянное важнее того, что имею.

5. Ибо вот я теперь буруюсь волнами великого моря, и корабль ума моего потрясается от волнений сильной бури; а когда я припоминаю прежнюю свою жизнь, то, обращая взоры назад, как будто вижу берег и воздыхаю. И что еще тягостнее, в тревогах от безмерного волнения я едва уже могу и видеть оставленную мною пристань, ибо с нашею душою так случается, что сначала, когда душа теряет благо, каким владела, она еще сохраняет об утрате воспоминание, но потом, с продолжением времени, забывает и о самом утраченном благе, и таким образом, наконец, не удерживает даже памятью того, чем прежде владела на самом деле. Поэтому, как я сказал, с продолжением плавания мы уже теряем вовсе из виду оставленное нами безмятежное пристанище.

6. Иногда же, к большему еще усилению моей скорби, приходит мне на память жизнь людей, всецело душою оставивших мир. Одно воззрение на высоту их ангелоподобной жизни показывает мне, как низко сам я остаюсь. Большая часть сих святых мужей благоугодили своему Создателю, проводя жизнь сокровенную от мира, и всемогущий Господь, не желая, чтобы обновляющийся дух их ветшал от человеческих дел, удалял от них всякое мирское попечение».

7. Впрочем, чтобы лучше передать все, что мы говорили между собою, я изложу это в виде разговора, по вопросам и ответам, с обозначением наших имен.

Петр. Мало я знаю о деяниях мужей, прославившихся святостью жизни в Италии. Поэтому не понимаю, о ком с таким увлечением говоришь ты, сопоставляя свою жизнь с их жизнью. Конечно, я не сомневаюсь, что действительно были в Италии мужи святые, но их добродетели и чудеса или вовсе мне неизвестны, или, по крайней мере, о них так мало доселе говорили, что это молчание может навести сомнение.

8. Григорий. Если б, возлюбленный Петр, я решился передать тебе только те сведения о жизни сих святых и славных мужей, которые мог я, ничтожный человек, узнать со слов добрых и верных свидетелей или сам собою, то думаю, что и времени для этого не достало бы.

9. Петр. Умоляю тебя, святейший отче, Расскажи мне хотя что-нибудь. И, кажется мне, то не может служить важным препятствием к повествованию, что из воспоминания о жизни святых мужей должен составиться обширный рассказ. Ибо повествование о жизни святых будет уже показывать, каким образом и нам нужно стяжевать и сохранять добродетель, и

повествование об их чудесах покажет, каким образом приобретенная и сохраненная добродетель прославляется. И есть люди, в душах которых можно возжечь пламень любви к отечеству небесному не столько наставлениями, сколько примерами. Ибо внимающий повествованиям о жизни святых отцов получает от сего двоякую пользу: во-первых, примеры их жизни как людей, предваривших нас на пути ко спасению, возбуждают любовь к будущей жизни; во-вторых, если кто дотоле привык видеть в себе какие-нибудь добродетели, то смирится, когда познает, что подвиги святых были выше.

10. Григорий. Я готов немедленно рассказать тебе все, что узнал об этих мужах из беседы с людьми благочестивыми, последуя в этом священному и высокому примеру, яснее солнца для меня сияющему, – примеру Марка и Луки, которые написали свои Евангелия не на основании того, что они видели, но что слышали. Впрочем, чтобы будущие читатели моего рассказа не имели и малейшего повода усомниться в истине моего повествования, при каждом из описываемых событий я буду указывать источник, из которого заимствовал их. Только предваряю тебя, что при описании некоторых событий я буду удерживать одну мысль источника, а при описании других – и мысль, и самые выражения. Ибо если бы я стал все рассказывать собственными словами тех, которые передавали мне, в моем слоге, как у писателя, вышла бы неровность от внесения простого, безыскусственного рассказа некоторых лиц. Впрочем, рассказ, который я намерен предложить теперь, заимствован из уст самых достопочтенных старцев.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О Гонорате, игумене Фундисского монастыря

1. Некто патриций Венанций в Самнийской области имел поместье. У одного поселянина, жившего в этом поместье, был сын по имени Гонорат. С отроческих лет любовь к воздержанию возгла в нем любовь и к отечеству небесному. Долго уже он проводил такой образ жизни, что воздерживался от всякого праздного слова, много смирял плоть свою воздержанием, как однажды родители его устроили пиршество для своих соседей. Между прочими яствами для стола было приготовлено и мясо. Но Гонорат, из любви к воздержанию, не хотел даже прикоснуться к этому яству. Родители начали над ним смеяться и говорили ему: «Ешь, неужели ты думаешь, что мы пойдем для тебя ловить рыбу в здешних горах?» В той стороне действительно о рыбе знали только понаслышке.

2. Между тем, пока таким образом смеялись над Гоноратом, вдруг на пиршестве, по разным потребностям, оказался недостаток в воде. Тотчас служитель отправился, по тамошнему обыкновению, с деревянным сосудом за водой, и в то время, когда он черпал воду, в сосуд попала рыба. Возвратившись в дом, служитель на виду у всех, бывших на пиршестве, вылил воду, в которой была рыба, и такой величины, что ее достаточно было бы в пищу Гонорату на целый день. Все удивились, и родители Гонората должны были оставить свои насмешки. Таким образом воздержание отрока, дотоле осмеиваемое, сделалось предметом уважения, и рыба, пойманная в горах, избавила от колких насмешек добродетель человека Божия.

3. Как скоро слава о добродетельной жизни Гонората стала возрастать, он был отпущен своим господином на волю и в местечке, называвшемся Фунды, основал монастырь. Здесь он был руководителем почти двухсот отшельников, здесь жизнь его сделалась для всех образцом самой высокой жизни.

4. Однажды случилось, что от горы, возвышавшейся над монастырем, оторвалась огромная скала, которая, спускаясь по крутизне горы, грозила конечным разрушением монастырю и погибелью всей братии. Как скоро увидел это святой муж Гонорат, тотчас, неоднократно призвав имя Спасителя, изобразил своею десницею по направлению к спускавшейся скале крестное знамение, и она, уже готовая обрушиться, немедленно остановилась на самом обрыве горы. Так рассказывал мне об этом некто благочестивый Лаврентий. И как обрыв горы, на котором скала остановилась, был чрезвычайно крут, то и доселе, говорят, если смотреть на гору, кажется, что скала как будто угрожает падением.

5. *Петр.* Я думаю, святой отче, что не мог же этот чудный человек сделаться руководителем других, если сам прежде от кого-нибудь не принимал наставлений?

6. *Григорий.* Я вовсе не слышал, чтобы он был чьим-либо учеником, но надобно знать, что дары благодати Святого Духа иногда и необыкновенным порядком сообщаются людям. По обыкновенному порядку следовало бы так, что тот не может быть начальником, кто не учился повиноваться, и повиновения внушить подчиненным не может тот, кто сам не умеет повиноваться высшим. Но есть люди, которые получают такое внутреннее просвещение от Святого Духа, что хотя они и не пользуются внешним человеческим руководством, но зато постоянно присущ их духу внутренний наставник – Дух Святой. Только люди нетвердые в добродетели не должны брать себе за образец этой высшей обыкновенных законов жизни святых мужей, потому что в противном случае кто-нибудь легко может возомнить о себе, что и он исполнен Духа Святого, станет пренебрегать человеческим наставлением и впадет таким образом в заблуждение. Впрочем, душа, исполненная Духа Святого, имеет в себе самые очевидные признаки этого преимущества, именно: высокую добродетель, соединенную со смирением, так что если сими качествами в совершенстве обладает душа, то это и служит очевиднейшим доказательством присутствия в ней Духа Святого.

7. Так, например, в Священном Писании не говорится, чтобы св. Иоанн Креститель имел у себя учителя, даже и Христос – самая Истина, во время видимого пребывания на земле наставлявший апостолов, видимым образом не присоединил Иоанна к лику учеников Своих; но кого Он учил внутренним образом, того внешним образом оставлял жить как бы по своей воле. Так и Моисей был руководим в пустыне Ангелом (Исх. 23, 20), а не человеком. Но все это для людей, не утвердившихся еще в добродетели, должно быть, как я сказал, предметом не подражания, а почитания.

8. Петр. Довольно. Но прошу, скажи теперь: не оставил ли этот святой отец Гонорат по себе какого-либо последователя из числа своих учеников?

ГЛАВА ВТОРАЯ

О Либертине, экономе того же монастыря

1. Григорий. Во время Тотилы, готского царя⁷, в том же монастыре был экономом муж благочестивый, именем Либертин. Он жил и воспитывался под руководством отца Гонората. Много ходило в народе достоверных рассказов о его великих добродетелях, но мне особенно часто и много говорил о нем прежде упомянутый благочестивый Лаврентий, который и теперь еще жив, и в то время был очень близок к отцу Либертину. Постараюсь теперь передать тебе вкратце, что запомнил из этих разговоров.

2. Однажды благочестивый Либертин по должности эконома отправился по нуждам монастырским куда-то в путь чрез выше упомянутую Самнийскую область. В то же время и по той же дороге проходил с войском Дардан, один из готских предводителей. Войны его напали на человека Божия, повергли его на землю и завладели его конем. Благодушно перенесши эту потерю, святой отдал грабителям и самый бич, сказав: «Возьмите и это, чтобы было вам, чем подгонять моего коня». Сказав это, святой начал молиться. Между тем войско Дардана отправилось далее и вскоре достигло реки Вултурны. Чтобы переправиться чрез нее, всадники начали бить копьями и подгонять своих коней; но как ни били, как ни мучили коней, они упорно оставались на одном месте; казалось, им так же страшно было прикоснуться к воде, как бы броситься с самого крутого утеса.

3. Когда, таким образом, долго промучив коней, утомились и сами всадники, один из них сказал: «За то мы терпим такое несчастье, что на пути оскорбили человека Божия». Тотчас некоторые из них возвратились и нашли Либертина на том же месте в молитвенном положении. «Вставай, – сказали они ему, – и возьми своего коня». – «Идите с Богом, – отвечал святой, – мне не нужен конь». Тогда всадники сами сошли с коней, насильно посадили Либертина на его коня и немедленно отправились назад. По прибытии на место кони их с такою стремительностью переплыли реку, по которой не могли дотоле плыть, как будто на том месте вовсе не было воды. Таким образом, по устроению Божию, как скоро святому был возвращен конь, кони стали повиноваться и всадникам.

4. Около того же времени по области Кампанской проходило франкское войско под предводительством Буцеллина. Общий был слух, что монастырь, управляемый Гоноратом, владел большими сокровищами. Свирепые франки, ворвавшись в храм, стали искать там и звать эконома Либертина, а он в это время молился, распростершись на земле. И – чудное дело – сколько ни искали франки Либертина, сколько ни бесились, не могли его увидеть, хотя часто даже ногами своими касались его тела. Таким образом, обманутые своею слепотою, они должны были удалиться из монастыря ни с чем.

5. В другое время Либертин получил от настоятеля (уже преемника учителя Либертинова – Гонората) приказание отправиться по нуждам монастырским в Равенну. По любви к святому Гонорату Либертин имел обыкновение, куда бы ни пришлось ему отправляться, брать с собою его обувь. Когда таким образом он ехал, попалась ему навстречу женщина, несшая на руках своих тело умершего сына. Увидев человека Божия, она остановила за узду коня Либертинова и с клятвою сказала святому: «Ты не уйдешь отсюда, пока не воскресишь моего сына».

6. Либертин, понимая сколь необыкновенного чуда от него требуют, ужаснулся, слыша просьбу, соединенную с заклятием. Он покушался удалить от себя женщину, но, будучи не в силах этого сделать, оставался в нерешительности. Надобно представить себе, какая сильная борьба происходила в это время в его душе. Собственное смирение боролось в нем с

⁷ Тотила – король остготов, правил Италией в 541–552 годах.

состраданием к несчастной матери, страх приступить к совершению необыкновенного чуда – с скорбным чувством отказать осиротевшей женщине в помощи. Наконец, к величайшей славе Божией, сострадание препобедило твердую добродетель смирения, твердую по тому самому, что была побеждена состраданием, ибо нельзя назвать твердую ту добродетель, которая остается непреклонною при виде страданий других. Итак, святой сошел со своего коня, преклонил колена – и, после молитвенного воздеяния рук к небу, вынув обувь св. Гонората, возложил ее на грудь умершему отроку. По молитве святого мужа душа возвратилась к умершему. Обняв ожившего, он передал его плакавшей матери и продолжал свой путь.

7. Петр. Что же, скажи мне, отче: сила ли добродетелей святого Гонората произвела такое чудо или молитва святого Либертина?

Григорий. Для совершения столь необыкновенного чуда соединились вкупе вера жены и сила добродетелей обоих святых; и я думаю, что Либертин потому мог совершить сие чудо, что более полагался на силу добродетелей своего наставника, чем на силу своих собственных. Ибо он веровал, что душа того, чья обувь полагалась на грудь умершему, услышит его молитву. Подобно тому как и Елисей не мог одним повержением милоти своего учителя, которую носил с собою, разделить на обе стороны воды Иордана, когда приблизился к этой реке. Но как скоро он произнес: *где Господь, Бог Илиш, – Он Самый?* (4 Цар. 2, 14) – и поверг милоть Илиину в реку, вода расступилась и открыла ему свободный путь. Видишь ли, возлюбленный Петр, какую силу при совершении чудес имеет смирение? Тогда возмог он обнаружить силу, подобную той, какою обладал наставник, когда призвал его имя и сделал он то же, что наставник, потому что подражал его смирению.

8. Петр. Приятно мне слушать тебя, всечестный отче! Скажи, пожалуйста, не знаешь ли и еще чего-нибудь подобного о сем муже для нашего назидания?

Григорий. Да, знаю, но только для того, кто желает подражать. Ибо я считаю добродетель смирения выше всяких знамений и чудес. Вот что случилось: однажды настоятель, заступивший по смерти Гонората его место в управлении монастырем, до такой степени разгневался на добродетельного Либертина, что готов был ударить его. И как он не мог найти для этого палки, то, схватив подножную скамейку, так сильно избил Либертина, что вся его голова и лицо покрылись опухольями и синими пятнами. Претерпев эти страшные побои, Либертин спокойно удалился в свою келию.

9. Вскоре открылась необходимость Либертину отправиться куда-то по нуждам монастыря. Итак, совершив утреннее правило, он идет в келию настоятеля, чтобы смиренно испросить у него молитв и благословения. Настоятель, зная, с каким уважением и любовью все взирали на Либертина после нанесенной ему несправедливой обиды, и думая, что он хочет удалиться совсем из монастыря, обратился к Либертину с вопросом: «Куда же ты собрался идти?» – «Ради не терпящих отлагательства нужд монастырских, отче, – отвечал Либертин, – я еще вчера обещал быть ныне в таком-то месте и хочу теперь отправиться туда».

10. Тогда настоятель, сознавая в глубине души, с одной стороны, как сурово и жестоко он поступил с Либертином, с другой – как обиженный был кроток и смирен, вышел из своей келии, повергся к стопам Либертина и признался, что он тяжко виновен и грешен, дерзнув нанести жестокое оскорбление столь добродетельному мужу. Либертин, с своей стороны, также повергся на землю и, припадая к ногам настоятеля, уверял, что причина нанесенного им оскорбления заключалась не в раздражительности настоятеля, а в его, Либертиновой, вине. После этого происшествия настоятель сделался чрезвычайно кротким в обращении, и, таким образом, смирение ученика вразумило самого учителя.

11. Когда же Либертин отправился за своим делом по нуждам монастырским, некоторые из знатных вельмож, чрезвычайно уважавших его, встретившись, с необыкновенным изумлением и участием начали расспрашивать, что такое случилось с ним, что все лицо у него опухло и покрыто синими пятнами? «Вчера поздно вечером, – отвечал Либертин, – я, по грехам моим,

преткнулся о скамью и так сильно ушибся». Таким образом, этот святой человек в своем ответе и сказал истину, и не разгласил о проступке настоятеля, и избежал греха лжи.

12. Петр. Мне хотелось бы знать, всечестный отче, неужели столь богобоязненный человек, как Либертин, о котором столь много чудесного ты рассказываешь, не оставил в монастыре последователей своим добродетелям?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Об иноке, садовнике того же монастыря

1. Григорий. Феликс, по прозванию Курвус, человек, тебе известный и еще недавно бывший экономом в том же монастыре, много рассказывал мне удивительного о братии своего монастыря. Я не буду тебе передавать из его рассказов всего, что помню, потому что желаю беседовать о другом. Но вот одно происшествие, слышанное от него, о котором умолчать я считаю даже невозможным.

2. В этом же [Фундисском] монастыре был один инок, по занятию садовник, человек высокой жизни. В сад к нему привык ходить вор. Перелезая чрез ограду, он тайно уносил овощи. Садовник скоро заметил, что сажал он овощей много, но осталось очень мало, иное было потоптано, другое порвано. Обойдя весь сад, он наконец открыл и место, которым обыкновенно вор пробирался в сад. Когда после этого он опять шел чрез сад, то увидел змею и сказал ей повелительно: «Ползи за мной» – и, подошедши к месту, которым проходил вор, сказал змее так же повелительно: «Именем Иисуса Христа повелеваю тебя беречь этот проход и не позволять вору проникать в сад». Змея тотчас растянулась поперек дороги, а инок возвратился в свою келию.

3. В полдень, когда все братия отдыхали, приходит, по своему обыкновению, вор и начинает перелезать чрез ограду; но лишь только он перенес ногу в сад, вдруг видит, что дорогу преградила ему змея. Вор, сильно испугавшись, опрокинулся назад, но нога его увязла в кольях плетня, и в этом положении, с закинутою назад головою, он пробыл до прихода садовника.

4. В урочный час приходит садовник, видит, что вор повис на ограде, и говорит змее: «Благодарю Бога, ты исполнила, что приказано было тебе; теперь удались». Змея скрылась. Тогда садовник, обратившись к вору, сказал: «Что, брат? Бог предал тебя в мои руки. Как ты дерзнул столько раз похищать труды рук иноческих?» После этих слов садовник освободил увязшую ногу вора, спокойно снял его с ограды и пригласил идти за собой. С большим удовольствием наделив вора овощами, которые он обыкновенно крал, садовник довел его до ворот сада и сказал: «Ступай, и после этого не воруй, а когда будешь нуждаться, лучше приходи сюда ко мне; я охотно буду тебе давать то, что ты доселе приобретал грехом».

5. Петр. Теперь я вижу, что напрасно доселе думал, будто в Италии не было святых, прославившихся чудесами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Об Эквиции, настоятеле монастыря в области Валерийской

1. Григорий. Теперь расскажу тебе, что я слышал от Фортуната, человека достопочтенного, настоятеля Путеольского монастыря, равно и от других почтенных лиц. В провинции Валерийской жил некто Эквиций, человек необыкновенно святой жизни. Настоятель Фортунат близко знал его, и вообще для всех духовные подвиги Эквиция были предметом благоговения. Эквиций, как человек высоко святой жизни, управлял в той области многими монастырями. В юных годах сильно мучила его тяжкая борьба с вожделениями плоти; но самая тяжесть искушения заставила его быть тем более прилежным к молитве.

2. Таким образом, в непрестанной молитве испрашивая у всемогущего Бога врачевства против искушения, Эквиций наконец почувствовал, что всякое вожделение плоти в нем исчезло, и сделался так далек от искушения, как будто не имел и тела. Утвердившись же помощью благодати Божией в добродетели, Эквиций, как дотоле управлял только мужскими монастырями, так отселе начал управлять и женскими. Впрочем, он постоянно внушал своим ученикам, чтобы они легкомысленно не увлекались его примером и, если не надеются на свои силы, не покушались стремиться к приобретению дара, которого не имели.

3. В то время как в Риме схвачены были волшебники, некто Василий, бывший первым искусником в волшебстве, переделся в монашеское платье и убежал в Валерийскую область. Явившись к достопочтенному епископу Амитернскому Касторию, Василий просил поместить его в монастырь, управляемый Эквицием, представляя, что он может быть полезным монастырю своим врачевным искусством. Епископ тотчас отправился в монастырь вместе с лже-монахом Василием и просил угодника Божия Эквиция принять просителя в число братства. Взглянув на Василия, святой сказал епископу: «Вот, ты приказываешь мне принять не монаха, а диавола». – «Ты только ищешь предлога не исполнить моей воли», – возразил епископ настоятелю. «Я говорю то, что вижу в нем, – отвечал угодник Божий, – но чтобы ты не думал, будто я уклоняюсь от повиновения, я сделаю по твоей воле». Василий был принят в монастырь.

4. Чрез несколько дней угодник Божий удалился на довольно продолжительное время из монастыря для назидания словом истины жаждущих духовного утешения. По уходе св. Эквиция случилось, что в женском монастыре, который находился также под его попечением, одна монахиня, сохранившая на брэнном теле своем следы красоты, заболела и в страшных мучениях с криком и воплями повторяла: «Я непременно умру, если не придет монах Василий и не возвратит мне здоровья помощью своего искусства». Но в отсутствие настоятеля никто из иноков не смел и войти в женский монастырь, тем более Василий, недавно поступивший в число братства и никому еще не известный по своему поведению.

5. Тотчас распорядились послать к угоднику Божию Эквицию с известием, что такая-то монахиня ужасно страдает в болезни и неотступно требует, чтобы инок Василий посетил ее. Услышав это, святой муж с горькой улыбкой сказал: «Не говорил ли я, что это не человек, а демон? Ступайте и выгоните его из монастыря. А о рабе Божией, страждущей тяжкою болезнью, не беспокойтесь более; болезнь ее минует, и она не будет требовать к себе Василия».

6. [Посланный] монах возвратился и узнал, что действительно больная получила исцеление в то именно время, когда говорил им об этом угодник Божий Эквиций, находясь вдали от монастыря. Так праведник сотворил чудо, следуя примеру своего Учителя и Господа Иисуса Христа, Который, быв позван в дом царедворца для исцеления его сына (Ин. 4, 46), одним словом даровал ему исцеление, так что по возвращении в дом отец узнал, что сын его выздоровел именно в то время, когда он услышал об его исцелении из уст Самой Истины. Все иноки, испол-

няя повеление своего настоятеля, изгнали лжемонаха Василия из своего монастыря. Когда же его изгнали, он сознался, что часто посредством своего волшебного искусства поднимал на воздух келию святого Эквиция, но никакого вреда не мог ей сделать. Спустя немного времени этот волшебник, по ревности здешнего народа, был сожжен в Риме на костре.

7. Случилось также, что одна раба Божия, из той же женской обители, пошла однажды в монастырский сад. Увидев там овощи, она с жадностью начала их есть, забыв предварительно оградить себя крестным знаменем; вдруг схватила ее нечистая сила и повергла на землю. Когда увидели ее в страшных мучениях, тотчас попросили отца Эквиция, чтоб он поспешил исцелить болящую своей молитвой. Едва только вступил в сад св. Эквиций, нечистый дух, вошедший в инокиню, начал ее устами кричать, как бы прося пощады: «Что я сделал, что я сделал? Я был в овощах, как она пришла и с ними приняла в себя и меня». Но человек Божий с великим гневом повелел нечистому духу выйти из инокини и никогда не возвращаться к рабе всемогущего Бога. Дух тотчас вышел и после не смел даже прикоснуться к ней.

8. Некто Феликс, вельможа Нурсийской области, отец Кастория, который живет ныне в Риме, узнав, что благочестивый Эквиций не имел еще священного сана, а между тем ходил всюду для ревностного назидания других словом, однажды дружески обратился к нему с вопросом: «Как ты, отче, дерзаешь на проповедь, когда не имеешь ни священного сана, ни от Римского епископа, в ведении которого состоишь, разрешения проповедовать?» Услышав такой вопрос, святой муж следующим образом объяснил свое дерзновение на проповедь: «О чем ты меня сейчас спрашивал, об этом и я размышлял сам с собою. Но однажды предстал мне в видении ночном прекрасный юноша и прикоснулся к моему языку орудием, которое употребляют врачи при кровопускании, сказав при этом: “Вот, я полагаю слово мое во уста твои, иди и проповедуй”. С того времени я, хотя бы и желал, не могу молчать, нудимый силою Божиею».

9. Петр. Мне хотелось бы, отче, узнать, какие подвиги проходил этот святой муж, получивший от Бога, по общему уверению, такие дары благодати.

Григорий. Подвиг, возлюбленный Петр, зависит от дара благодати, а не благодать от подвига, иначе и благодать не будет благодатью. Ибо всякому подвигу предшествует дар благодати, хотя после и дары благодати возрастают по той мере, как увеличиваются подвиги. Но если хочешь собрать истинные сведения о жизни этого угодника, обратись к достопочтенному епископу Реатинской церкви Альбину – он хорошо знал св. Эквиция; да есть много и других лиц, знавших его. И зачем тебе искать в нем еще большего подвига, когда знаешь, что в этом угоднике непорочная жизнь соединялась с ревностью о назидании других?

10. Такою ревностью горел он о приобретении Господу душ, что, управляя несколькими монастырями, он в то же время ходил повсюду, по церквам, городам, деревням, даже по частным домам христиан, и в сердцах своих слушателей возжигал любовь к отечеству небесному. Одежда на нем была весьма бедная и вид его был так скромен, что если бы случилось ему встретиться и поклониться незнакомому человеку, тот почел бы для себя низким ответить на его поклон. В некоторые места он отправлялся обыкновенно на коне, выбирая при этом самого плохого, какого только можно было найти в монастыре, коня, и вместо узды всегда употреблял недоуздок, вместо седла – овечью кожу. Куда бы он ни отправлялся, всюду брал с собой книги Священного Писания, полагал их в кожаные мешочки, висевшие у него с правой и левой стороны, чтобы, отверзая источники слова Божия, орошать пажити духовные.

11. Молва об его проповедании достигла Рима, и тотчас из клира Римского епископа некоторые льстецы (которые обыкновенно сперва уловляют своим языком, а потом и губят душу слушающего) приступили к своему пастырю с жалобами. «Вот, – говорили они, – святейший отче, какой-то человек, лишенный всякого образования, незаконно присвоил себе право проповеди, неученый предвосхитил обязанность, принадлежащую собственно твоему святейшеству. Не угодно ли будет тебе послать за ним, привести сюда и внушить ему понятие о порядке церковном?» Обыкновенно бывает, что кто очень ревностен к выполнению своих обя-

занностей, тот бывает доступнее лести, если не успеет ее отразить в самом начале от дверей своего сердца. Епископ Римский согласился на убеждения своих клириков привести в Рим св. Эквиция для внушения ему надлежащих понятий о его обязанностях. Впрочем, не желая, чтобы подобное распоряжение сколько-нибудь оскорбило угодника Божия, папа приказал своему послу дефенсору⁸.

12. Юлиану (который впоследствии был епископом Сабинской церкви) привести св. Эквиция в Рим с возможными почестями. Побуждаемый настояниями клириков исполнить как можно скорее это приказание, Юлиан поспешно отправился в монастырь св. Эквиция, где нашел некоторых иноков, занимавшихся списыванием книг, и спросил их: «Где ваш настоятель?» (А св. Эквиция не было дома.) «Вот, недалеко, на монастырских лугах он косит сено», – отвечали иноки.

13. С Юлианом был прислужник, очень гордый и дерзкий, которого сам он едва мог обуздывать. Юлиан послал его поскорее привести к себе настоятеля. Прислужник отправился, проворно дошел до лугов и, обратившись ко всем косившим сено, грубо спросил: «Где Эквиций?» Ему указали; увидев настоятеля еще издали, прислужник впал в необыкновенный страх: дрожа и трепеща, он едва мог идти. В трепете приблизился он к человеку Божию, повергся пред ним и, смиренно обнимая колена его, возвестил о приходе господина своего. После приветствия угодник Божий сказал ему: «Вот, возьми свежего сена и отнеси на корм коням, на которых вы приехали; я же немного погодя, исполнив свое дело, приду вслед за тобой».

14. Между тем посланник папы, дефенсор Юлиан, много дивился: отчего слуга его так долго не идет? Как же скоро увидел, что он возвращается с лугов со связкою сена за плечами, в сильном гневе начал кричать на него: «Что это значит? Я тебя посылал привести ко мне настоятеля, а не сено носить». – «Он сейчас придет», – отвечал прислужник. Между тем и человек Божий, одевшись и возложив на свои рамена связку сена, пошел в монастырь. Когда он был еще вдали, слуга указал своему господину, что это тот самый человек, за которым они посланы. Юлиан, как скоро увидал угодника Божия, то по его уничиженному виду приготовился и заговорить с ним, то есть строго и повелительно. Но едва угодник Божий приблизился, как сердцем Юлиана овладела необыкновенная робость, так что он дрожал всем телом и едва был в состоянии передать святому о причине своего приезда. Со смирением припав к стопам угодника Божия, Юлиан просил его молитв о себе и возвестил, что святейший папа желает его видеть.

15. Святой Эквиций от полноты сердца возблагодарил всемогущего Бога, что чрез верховного иерарха Господь посетил его свыше благодатью. Тотчас приказал он некоторым из братии приготовить коней для пути и настоятельно требовал, чтобы посланник папский готовился немедленно ехать. «Это совершенно невозможно, святой отче, – отвечал Юлиан. – Утомившись от продолжительного путешествия, я нынешний день не в состоянии опять ехать». – «Жалею об этом, сын мой, – отвечал св. Эквиций. – Если мы ныне не отправимся, то и завтра также». Таким образом, угодник Божий, снисходя усталости посланника, провел следующую ночь в монастыре.

16. На самом рассвете следующего дня к Юлиану прибыл новый папский посол-отрок, от поспешной езды едва не замучивший своего коня. Он привез Юлиану от папы письмо, в котором повелевалось последнему не дерзать беспокоить угодника Божия отправлением из монастыря. Когда Юлиан спросил у гонца, что заставило папу переменить свое распоряжение, получил в ответ, что в ту самую ночь, как Юлиан отправился в монастырь, было папе некоторое страшное видение с упреком, зачем он осмелился требовать к себе из монастыря угодника Божия. Юлиан тотчас отправился к св. Эквицию и, поручая себя его молитвам, возвестил, что папа повелел не беспокоить его отправлением из монастыря.

⁸ Должность дефенсора (защитника) в Римской церкви состояла преимущественно в попечении о бедных и также об охранении прав Церкви. С разными поручениями они были иногда посылаемы Римским епископом по областям.

17. Услышав это, угодник Божий опечалился и сказал: «Не говорил ли я тебе вчера, что если не отправимся теперь, так и вовсе не отправимся?» Потом, желая выразить свою любовь к маленькому (второму) послу папскому, он повел его в свою келию и прилично наградил его за труд, хотя гонец отказывался и не хотел брать.

18. Познай же из этого, возлюбленный Петр, как Господь хранит тех, которые уничижают себя в настоящей жизни; как сопричисляются к согражданам отечества небесного те, которые не стыдятся презрения со стороны людей; как, напротив, презренны в очах Божиих надменные искатели суетной славы пред самими собою и пред ближними. Посему-то и глаголет нам Сама Истина: *вы выказываете себя праведниками пред людьми, но Бог знает сердца ваши, ибо что высоко у людей, то мерзость пред Богом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.